

Платонов А.Т.

17/IX 89

Русский прозаик Андрей Платонов был удостоен самой, наверное, короткой рецензии И. В. Сталина: на полях его повести «Впрок» кремлевский ценитель искусств начертил: «Сволочь».

Однако Платонова не расстреляли, как Пильняка, не отправили на Колыму, как Шаламова. Ему повезло так же, как Булгакову: лучшие произведения Платонова — «Котлован», «Ювенильное море», «Чевенгур» — были отлучены от советского читателя почти на шесть десятков лет.

Россия потеряла писателя, который любил ее больше, чем она его. Об этом — полнометражный документальный фильм «Котлован», снятый в Ростове-на-Дону режиссером Сергеем Стародубцевым по сценарию Леонида Гуревича и Павла Сиркеса. У игрового кинематографа отношения с Платоновым как-то не складываются. В лучшей, на мой взгляд, из экранизаций фабульного, так сказать, уровня — в «Любовниках Марии» — Андрей Михалков-Кончаловский, перенеся героев «Реки Потудань» в послевоенную Америку, добился, похоже, только одного — подвигнул кое-кого из зрителей обратиться к прозе Платонова. Тот же рассказ экранизировал Александр Сокуров — киномир «Одинокого голоса человека» сродни, безусловно, платоновской магии, однако тех, кто полностью принял этот фильм, оказа-

Моск. новости. - 1989. - 17 сент. - с. 12

ЧТО НА ДНЕ «КОТЛОВАНА»?

Документальный фильм об Андрее Платонове

лось едва ли больше, чем тех, кто готов потратить духовные усилия и на самую прозу Платонова. Она не комфортна. Это не тот писатель, которого удобно читать в метро.

А «Котлован» Стародубцева — не тот фильм, который можно смотреть по «ящику», прерываясь на застольный треп.

В «Котловане» нет «великого художника слова», «вольных просторов России», «свободолюбивой лиры» и других штампов «биографической» ленты, когда, помимо всего прочего, на зрителя обрушивается бухгалтерский реестр дат — от колыбели до погоста. И, главное, нет популярной ныне игры в «перетягивание классика» — вправо, влево или еще куда-нибудь... Платонов в фильме «Котлован» предстает Мастером, равновеликим себе.

И речь в картине идет, как говорит с экрана Андрей Битов, о времени, которое убило Платонова, но которое же Платонов и воскресил.

То время, а точнее, те, по чьим указаниям сверялись часы, не могли обойтись с Платоновым иначе. Они требовали искусства «неотразимо обаятельного, радостного и светлого».

К этому, например, призывал А. Я. Вышинский — прославленный дирижер «московских процессов». Его-то, надо полагать, устраивала «Волга-Волга», кадры из которой мелькают в «Котловане». Стародубцев спорит с этой приторной мистификацией не словами, не сотрясает воздух обличениями — встук он дает хронику той же примерно поры. И, странное дело, герои Платонова — все эти Саши Двановы и Макары Ганнушкины, так неподвластные игровому кино, — вдруг возникают на полотне документального экрана. Я различаю в толпе их наивные глаза и небритые щеки, они заглядывают в камеру, их лица официальная хроника потом вырежет, как сотрут с лица земли и их самих, так и не узнавших, что же возникло на месте вырытого ими котлована для дома общепролетарского счастья...

Платонов считал, что «критика, в сущности, есть дальнейшая разработка богатства темы, найденной первым, «основным» автором». Благородный человек, он писал это, когда уже названия критических статей о его творчестве звучали как сигнал к аресту, например: «Об одной ку-

лацкой хронике» (А. Фадеев) или просто — «Клевета» (некто И. Макарьев). Но речь здесь не о том. Многослойный фильм Стародубцева не может не подтолкнуть к «довыработке недр».

Вот хроникальный эпизод, счастливо найденный режиссером: тогдашние руководители писательского союза, сытые хозяева жизни, решают, кого принять в союз, а кого нет. Они так бездарны в своей напыщенности, что не удержаться от смеха, не лишнего, по выражению Андрея Синявского, «иронической кислоты», противопоставленного выпестованному этими бонзами соцреализму. Но кто их помнит сейчас, в галактики какого забытья отлетели их имена? И на каких орбитах Платонов, так многое знавший уже тогда о нашем сегодня? Или другой такой же провидец — Гроссман?..

По-сиротски скромные похороны Платонова (он умер в 1951 г.) режиссер резко монтирует с фанфанным ликованием народа, которому вовсе нет никакого дела до умершего в нищете Писателя... Но замечательный нюанс: в отличие от других режиссеров нового поколения, не

А. ПЛАТОНОВ

Андрей ПЛАТОНОВ.

желающих оставлять нам, кажется, никаких надежд. Стародубцев не уничтожает толпу сарказмом. Как и автор «Чевенгура», он более всего дорожит состраданием. И вслед за Платоновым фильм, как молитву, повторяет его простые слова о том, что «другого места для жизни не было дано».

Давно слежу за творчеством ростовчанина Сергея Стародубцева. Его «Котлован» интересен еще и тем, что в нем я вижу доказательство близкой мне истины: талант шире рамок провинции, а быть глубоко провинциальным можно и в Москве.

Борис БЕРМАН.